

"Народъ" въ нашей "народнической" литературѣ.

Годы перелома (1895--1906). Сборникъ критическихъ статей.

Книгоиздательство "Миръ Божій", Спб., 1908

OCR Бычков М. Н.

Что такое народъ?

Этотъ вопросъ, повидимому, столь простой и нехитрый, удивительно какъ запутался въ нашей литературѣ, хотя, въ отличіе отъ всѣхъ прочихъ европейскихъ литературъ, именно ему она посвящала больше всего вниманія. Въ теченіе 30-ти послѣднихъ лѣтъ создалась даже особая, такъ называемая "народническая" литература, исключительно работавшая надъ выясненіемъ тѣхъ отношеній, какія должны быть между народомъ и интеллигенціей, и до сихъ поръ не выяснившая, что же собственно понимать надлежитъ подъ ея таинственнымъ "народомъ".

Не рѣшивъ этого коренного вопроса, наше "народничество" запуталось въ массѣ противорѣчій, образчикомъ которыхъ можетъ служить и книга г. Пругавина "Запросы народа и обязанности интеллигенціи", вышедшая недавно вторымъ изданіемъ. Нѣкоторыя разсужденія автора отдають теперь анахронизмомъ, производятъ впечатлѣніе чего-то отжившаго, своего рода "жалкихъ словъ", щедро расточаемыхъ г. Пругавинымъ по адресу нашей интеллигенціи.

Народничество досталось намъ, какъ законное наслѣдіе крѣпостного права. Съ отмѣной послѣдняго не могло исчезнуть сразу его глубокое вліяніе на всѣ стороны нашей жизни. Общественная совѣсть, удрученная сознаніемъ великой несправедливости этого права, не могла не остановиться надъ вопросомъ, какъ загладить ее. И литература тогдашняго времени выдвинула въ отвѣтъ идею "долга" и "расплаты", причемъ незамѣтно для всѣхъ совершена была другая несправедливость: "историческій грѣхъ" (если, вообще говоря, подобные грѣхи мыслимы) былъ взваленъ на интеллигенцію. Съ тѣхъ поръ извѣстная часть послѣдней (съ постоянствомъ, достойнымъ лучшаго назначенія) продолжаетъ бичевать себя за этотъ "историческій грѣхъ".

Разбираться теперь, чей былъ "грѣхъ", нѣтъ никакой надобности. "Кто виноватъ -- у судьбы не допросишься, да и не все ли равно?" Тѣмъ болѣе, что съ фактической отмѣной крѣпостного права народъ сравненъ съ интеллигенціей въ г_р_а_ж_д_а_н_с_к_и_хъ правахъ, и, слѣдовательно, исчезла всякая почва для противопоставленій между "нами" и "имъ". Съ исчезновеніемъ привиллегій, когда то основанныхъ на крѣпостномъ правѣ, исчезло и отличіе народа отъ интеллигенціи; эти обѣ категоріи слились въ одно неразрывное цѣлое, въ томъ смыслѣ, какъ слово "народъ" понимается вездѣ. Когда нѣмецъ, французъ или англичанинъ говорятъ "народъ", то въ этомъ словѣ они объединяють все, что не составляетъ "правительство", и никому не придетъ въ голову при этомъ выдѣлять изъ народа какого нибудь Вирхова, Пастера или Гладстона.

Народники же, настаивая на своемъ противоположеніи, впадаютъ иной разъ въ забавное высокомеріе, не смотря на все свое преклоненіе предъ народомъ. Приведемъ, напр., одно мѣсто изъ книги г. Пругавина. Разсказывая о пристрастіи крестьянъ къ картинкамъ, онъ говоритъ:

"По этому поводу намъ невольно вспоминается слѣдующій, по нашему мнѣнію, глубоко т_р_о_г_а_т_е_л_ь_н_ы_й курсивъ нашъ) народный разсказъ, записанный однимъ изъ статистиковъ московскаго земства.

"Старикъ-крестьянинъ, возвращаясь откуда то домой, вмѣстѣ съ своей женой, нашелъ на дорогѣ исписанный листокъ писчей бумаги.

-- "Крестись, старуха, -- говоритъ онъ, обращаясь къ женѣ, -- у насъ теперь дома грамотка завелась!

-- "А ты, старикъ, -- отвѣчаетъ жена, -- прилѣпи грамотку-то на стѣну: в_с_е в_ъ и_з_б_ѣ-т_о п_о_в_е_с_е_л_ѣ б_у_д_е_т_ъ (курсивъ автора).

"Такъ скромны эстетическія требованія мужика, придавленного нуждой, но въ то же время и такъ живучи" (стр. 284).

Г. Пругавинъ тронутъ такой живучестью въ мужикѣ потребностей высшаго порядка, не замѣчая,